

Хэ Ланьлин, забыв о статусе, стремительно помог Ли Аньле подняться, шепча: «Ли Аньле? Очнись!»

Ли Аньле с трудом открыл глаза: «Где я?»

Едва Хэ Ланьлин собрался ответить, как сверху послышались хаотичные шаги, а затем крики и ругань преследователей. Сердце Хэ Ланьлина заколотилось. Быстро оттащив Ли Аньле на дно ямы, в тени, они прикрылись опавшими листьями.

«Ни слова», – прошептал Хэ Ланьлин, понизив голос.

Шаги наверху затихли, и вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь слабым стоном двух людей.

Ли Аньле, тяжело дыша среди листьев, проронил: «Зачем ты меня спас? Не лучше ли было самому бежать?»

«Ваше Высочество благородного происхождения, и мой долг – защищать вас».

Ли Аньле глубоко вздохнул, голос его стал еще тише: «Скажи правду».

Хэ Ланьлин замер, затем опустил взгляд: «Случись с вами что-нибудь, мой господин, меня накажут. Я ведь ехал с вами, следовательно, тоже окажусь замешан».

Ли Аньле тихо усмехнулся, едва слышно: «Ты, несомненно, мыслишь наперед».

Наступила пауза, прерываемая лишь свистом ветра над ямой.

Внезапно сверху послышался шорох, будто кто-то наступил на сухую ветку. Хэ Ланьлин мгновенно напрягся, надавив на плечо Ли Аньле, давая знак не двигаться. Шум затих, затем исчез. Ли Аньле повернул голову: «Ты так боишься смерти?»

Хэ Ланьлин помолчал, затем откровенно ответил: «Дело не в страхе смерти, просто у меня есть те, кто мне дорог».

Ли Аньле не ответил, но внезапно начал сильно кашлять, съежившись и тяжело дыша. Хэ Ланьлин подсознательно протянул руку, притянул его к себе, осторожно похлопывая по спине, пытаясь помочь отдышаться.

Из уголка губ Ли Аньле потекла темно-красная кровь, капнув на рукав Хэ Ланьлина. Слегка придя в себя, он поднял взгляд на него, обнимавшего его, и спокойно произнес, будто говорил о ком-то стороннем: «Кажется, я умираю».

Глядя на спокойное, почти безразличное лицо Ли Аньле, Хэ Ланьлин наконец произнес: «Ваше Высочество шутит. Вы благородного происхождения, вам сопутствует удача. Конечно, все будет хорошо».

Ли Аньле, будто прочитав его мысли, улыбнулся: «Чего беспокоиться... Я к этому привык». Он глубоко вздохнул, голос дрогнул: «С самого детства императорские врачи толпились вокруг моей матери, крича: „Принцесса, пощадите мою жизнь!“, преклоняя колени перед моим отцом: „Премьер-министр, пощадите мою жизнь!“... Откровенно говоря, они просто не могли меня спасти, не так ли?»

Ли Аньле взглянул на небо над ямой и вздохнул: «Каждый год говорят, что я не переживу

зиму, но я... прожил так много лет. Каждый дополнительный день – это бонус. Смерти... не стоит бояться».

Как только он закончил говорить, Ли Аньле внезапно отвернул голову и снова изверг в опавшие листья сгусток темно-красной крови, задыхаясь. Сердце Хэ Ланьлиня сжалось. Взглянув на рану на лопатке, в тусклом свете он вдруг заметил, что сочится кровь пурпурно-черного цвета – явное свидетельство отравления!

Выражение лица Хэ Ланьлиня резко изменилось. Осторожно проведя пальцами по краю раны, он сказал: «Стрела не задела крупную артерию, так что сильного кровотечения при ее извлечении быть не должно». Затем, схватив древко, Хэ Ланьлин резко выдернул стрелу. Ли Аньле застонал от боли, на лбу выступил холодный пот.

Не мешкая, Хэ Ланьлин разорвал ткань на плече Ли Аньле, обнажив окровавленную, изуродованную рану. Наклонившись, он начал высасывать кровь, сплевывая на землю целые глотки фиолетово-черной ядовитой жидкости.

В полусне Ли Аньле ощутил теплое, влажное прикосновение к своей спине. Он с трудом открыл глаза и нежно погладил волосы молодого человека: «Ты так боишься моей смерти?... Боишься, что найдут мой труп и заставят тебя заплатить жизнью?»

Ли Аньле провел кончиками пальцев по вспотевшему лбу Хэ Ланьлиня и тихо усмехнулся: «Этот сюжет... как в сказке, о герое, спасающем прекрасную даму».

Затем его взгляд упал на сосредоточенный профиль Хэ Ланьлиня, и Ли Аньле слегка кашлянул, добавив в тон двусмысленность: «Если я действительно умру, волчонка придется похоронить в моей могиле... Как жалко».

Хэ Ланьлин резко остановился. Подняв взгляд, он увидел в глазах Ли Аньле вспышку гнева, но лишь прикрыл тому рот рукой, давая понять, чтобы тот прекратил говорить глупости. Не отрывая другой руки от раны, он снова опустил голову и с сосредоточенным вниманием продолжал высасывать яд.

Рот Ли Аньле был прикрыт, он мог лишь издавать приглушенные звуки. Хэ Ланьлин долго сосал рану, пока кровь не стала красной, затем остановился. Он слегка покачнулся, выпрямился, небрежно вытер рот рукой. На уголках губ и подбородке остались темно-красные пятна. Хэ Ланьлин небрежно поднял рубашку и вытер их.

Взгляд Ли Аньле упал на окровавленные губы Хэ Ланьлиня, и он тихо произнес: «Опусти голову».

Хэ Ланьлин был ошеломлен. Он на мгновение заколебался, а затем наклонился. По мере того как они сближались, Хэ Ланьлин почувствовал горьковатый лекарственный запах тела Ли Аньле, смешанный с сильным запахом крови. Прежде чем он успел отреагировать, Ли Аньле обхватил его шею и прижался к его губам, в которых чувствовался слабый привкус крови. Поцелуй был легким. Перед тем как расстаться, Ли Аньле нежно прикусил его нижнюю губу. Несильно, но с явной двусмысленностью.

Хэ Ланьлин вздрогнул, застыв на месте с широко раскрытыми глазами, забыв дышать. Его мысли были полны нежного, но болезненного прикосновения, которое он только что испытал, и бледного, но прекрасного лица Ли Аньле, так близко к его собственному. Хэ Ланьлин почувствовал, как внутри него нарастает необъяснимый гнев. Даже в такой момент этот человек совершал такую абсурдную вещь!

«Ты!» – уже хотел сказать Хэ Ланьлин, когда Ли Аньле рассмеялся. – «В любом случае... я скоро умру, поэтому мне нужно испытать то, чего я никогда раньше не пробовал».

Хэ Ланьлин нахмурился, но вежливо обратился к нему как к «хоуу!». Он выделил это слово, но на самом деле не был зол; это больше походило на беспомощный упрек.

Ли Аньле моргнул и тихо произнес: «Это первый раз... когда я кого-то целую».

Хэ Ланьлин был ошеломлен, его шок мгновенно сменился замешательством. Он подсознательно вспомнил слухи о «гомосексуальности» этого хоу и выпалил: «Разве вы не гомосексуалист?»

«Пфф...» – Ли Аньле невольно рассмеялся, тяжело вздохнув: «Если тебе нравятся красивые мужчины, значит ли это, что ты должен их целовать и спать с ними?» Ли Аньле наклонил голову с оттенком детской невинности: «Значит ли это, что если я увижу кого-то, кто мне нравится, я должен тащить его к себе в постель?»

Хэ Ланьлин чувствовал, что что-то не так, но не мог найти способа это опровергнуть. Ли Аньле поднял руку и снова переместил ее, осторожно коснувшись окровавленных губ Хэ Ланьлиня: «Но ты другой».

Хэ Ланьлин смотрел прямо на Ли Аньле, ожидая его ответа. Кончики пальцев Ли Аньле легли на губы Хэ Ланьлиня, нежно надавливая на место укуса, и улыбка отразилась в его глазах: «Ты самый лучший щенок, которого я когда-либо видел».

Хэ Ланьлин нахмурился. Он посмотрел на Ли Аньле, и странное чувство, только что возникшее в его сердце, мгновенно подавилось. И действительно, он не услышал от этого человека ни единого доброго слова. Увидев его, Ли Аньле внезапно собрался с духом, поднял руку и потянул Хэ Ланьлиня: «Иди сюда, на этот раз мне действительно нужно тебе кое-что сказать».

Хэ Ланьлин помедлил, а затем снова опустил голову. Как только они приблизились друг к другу, Ли Аньле повернул голову и снова поцеловал его в губы. Когда они расставались, голос Ли Аньле раздался совсем рядом с ухом Хэ Ланьлиня: «Послушная, достаточно безжалостная и готовая умереть за меня... разве ты не самый лучший щенок?»

После того как Ли Аньле закончил говорить, казалось, что все его силы иссякли. Его веки опустились, тело полностью обмякло. Хэ Ланьлин быстро обхватил его за затылок и крепко прижал к себе, чувствуя его слабое, почти безжизненное дыхание. Он посмотрел на плотно закрытые глаза человека в своих объятиях и снова и снова шептал: «Мой господин, не спите».

Ли Аньле оставался без сознания, неподвижно лежал, слабо дыша. Сердце Хэ Ланьлиня сжалось, он сменил тон, в его голосе слышалось еле уловимое напряжение: «Ли Аньле, проснись».

Человек в его объятиях внезапно зашевелился, ресницы слегка задрожали. Ли Аньле попытался открыть глаза, его взгляд был рассеянным, прежде чем наконец остановился на лице Хэ Ланьлиня: «Ты... спой мне маленькую песенку, ту, которую ты пел, когда мы впервые встретились... она была довольно милой».

Хэ Ланьлин посмотрел вниз на полуоткрытые глаза Ли Аньле, в которых почти погас свет. Осторожно потряс человека в объятиях, словно боясь, что он может в любой момент утонуть. На самом деле, Хэ Ланьлин не умел петь народные песни. Он слышал народные песни Чаньбяня – нежные и мелодичные, словно вода Цзяннаня. Но единственные песни, которые он знал,

были северными, грубыми от ветра и песка, яростными от ржания лошадей. Но в этот момент человек, которого он держал в объятиях, ждал.

Хэ Ланьлин глубоко вздохнул и наконец тихо запел. Мелодия началась немного неуклюже, даже на полтакта сбилась с ритма, но он не останавливался, пел строчка за строчкой, пел о северном ветре, пел о костре зимней ночью, пел о том, как в детстве гонялся за волками со своими братьями...

Человек у него на руках, казалось, немного успокоился; его дыхание по-прежнему было поверхностным, но он не стал погружаться глубже.

Хэ Ланьлин посмотрел на него сверху вниз и увидел, что свет в его глазах не совсем погас, поэтому он продолжал петь снова и снова, его голос охрип, но он не смел останавливаться.

<http://bllate.org/book/17608/1658943>